

22.04.2004

ТАТЬЯНА БЕК:
С ТЕМИ, КТО УШЕЛ,
МЫ СВЯЗАНЫ ТЕСНЕЕ

Татьяна Бек – человек слова. В буквальном и переносном смысле. Пообещала когда-то в одном из стихотворений, что будет писать мемуары, – и вот книга готова. Называется «До свидания, алфавит».

«В ГРЯДУЩЕМ У ВАС –
ЛИШЬ ОДНА
ДРАГОЦЕННОСТЬ...»

– Татьяна Александровна, успех вашей новой книги очевиден, ее читает вся Москва...

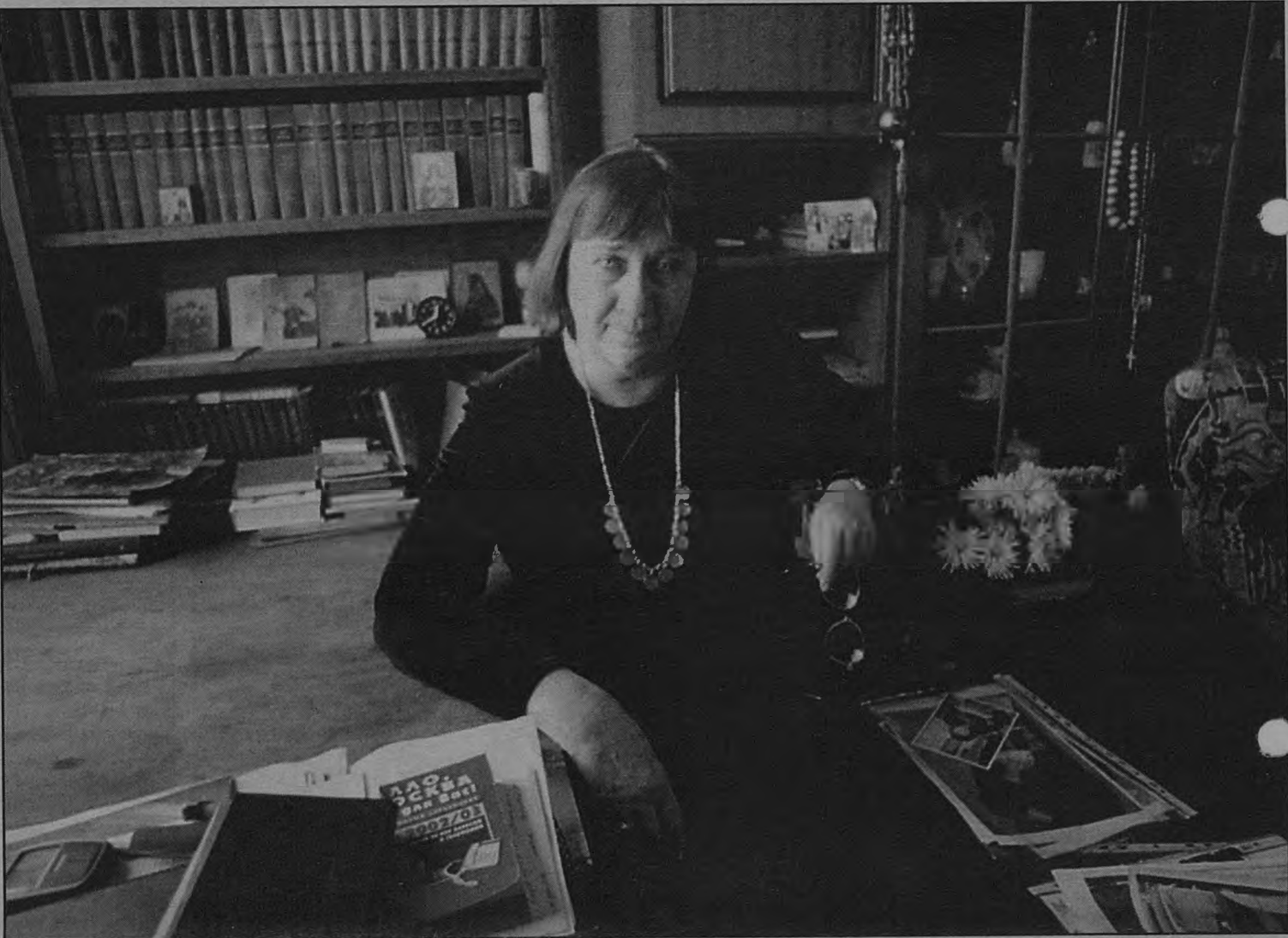
– Признаться, сама не ожидала. Изначальная идея этой книги принадлежит моему другу – поэту, тележурналисту и издателю Александру Шаталову. В 1997 году он в «Глаголе» издал мою книжку стихов «Облака сквозь деревья». Планировал выпустить и эту. Но не случилось. В общем, история, связанная с изданием этой книги, длилась не один год.

А прошлым летом в газете «Ex Libris» при «Независимой газете», с которой я теперь постоянно сотрудничаю, вышла целая полоса моих мемуарных баек – немножко, как говорят, в стиле Довлатова, – всяких смешных и трагикомических историй. И в преамбуле в шутку, для прикола, без всякой особой цели я ляпнула, что, мол, рукопись мемуаров готова – жду издателя. Ляпнула и начисто об этом забыла. А через пару дней звонок. Поздно вечером. Оказалось – Александр Гантман, глава замечательного издательства «Б.С.Г.-ПРЕСС». Мы с ним почти ровесники. «Здравствуйте, – говорит Гантман весьма таинственно. – Вы меня ждете? Я готов». Решила, что он просится в гости. «Нет, – говорю, – только не сегодня, у меня пыль страшная». А он снова, да так многозначительно: «Но вы ведь именно меня ждете?». В общем, в тот вечер мы с ним долго не могли друг друга понять. А через две недели моя книжка была сдана в набор, а через три месяца вышла. С тех пор аббревиатуру «Б.С.Г.» я расшифровываю как «беспокойное сердце Гантмана».

– Не расскажете – чтобы читатель почувствовал «атмосферу» ваших мемуаров – какую-нибудь байку?

– В 1955 году, когда мы жили еще на Песчаной улице, у нас в общем подвале дома случился настоящий большой пожар. Валил страшный, удушливый дым, и жильцы в панике и неглиже бегали по лестнице. Папа стал названивать по «01». «Алло, алло! По такому-то адресу пожар. Говорит писатель Александр Бек». Пожарный понятило ответил: «Александр Блок? Читал. Поэма «Двенадцать». Выезжаем». Пожар удалось погасить.

– Вообще, ворошить страницы прошлого если не самое любимое ваше заня-

18 апреля 2004 года.

тие, то одно из них. И «наследная память» тоже отнюдь не пустой звук. Почему эта память так важна для вас?

– Как раз об этом я в последнее время очень много думаю. Это действительно сейчас моя любимая тема.

**Я плакать хотела, но мне запретили,
И годы, как крупные слезы, текли.**

**...Записка с гаданьем
в китайском трактире,
Которую в рисовый хлеб запекли,
Гласила – внезапная**

как откровенность,

Как детская тяга, как дрожь бытия:

«В грядущем у вас –

лишь одна драгоценность:

Прошедшее ваше. О, радость моя!

Порой с теми, кто уже ушел от нас, мы связаны теснее, чем с нашими соседями по жизни. До сих пор моя мама приходит ко мне во сне, предупреждает, если мне угрожает какая-то опасность. Допустим: «Ты должна выйти из этого автобуса, иначе попадешь в аварию». Или: «Берегись этого человека». До сих пор папа очень помогает мне жить. Хотя с тех пор, как он умер, прошло больше тридцати лет.

– То, что вы – дочь писателей, помогло вам?

– На первом этапе, когда я только вступала в литературу, мне это мешало. Все, кому не лень, упрекали: «Вечно эти писательские

дети лезут вслед за родителями!». Мне было 23 года, когда умер папа. Так что по благу я действовать не могла. Но подобные разговоры продолжались довольно долго. А потом как-то само собой заглохло.

Однако по большому счету – конечно, помогало. Прежде всего – гены. Если у меня какие-то скромные литературные способности, то этим я обязана своим родителям. Особенно отцу. Он был очень незаурядным человеком, с сильными этическими принципами. Причем он их не то чтобы специально вырабатывал, – они были даны ему изначально. Правдолюб, бессребреник, трагический шут...

– Как в вашей семье решалась проблема «отцов» и «детей»?

РОЗА СРЕДНЕЙ РАСПУЩЕННОСТИ

Вспышки, памяти. Из новой книги «До свидания, алфавит»

Моя кошка Бася, которая умерла 31 декабря 2000 года семи лет от роду, была похожа на охотку вербы с желтыми глазками. С тех пор не могу видеть вербные букеты без боли.

Мне нравится вспоминать вспышками без сюжета. Как в детстве – зажигаешь спичку – цирк – и на пол. Цирк – и на пол. Так я однажды чуть не спалила половику. Вот и мемуары, даже самые безобидные, чреваты опасностью и горячими слезами.

Моя немецкая подруга Бригитта (она русистка, русофилка и прекрасная переводчица) вот уже четверть века ругает и жалеет меня за максимализм, не уставая повторять, о чем бы мы ни беседовали, одну и ту же фразу: «Татьянушка, никогда не говори никогда!»

В 1999 году я выступала во Флоренции на поэтическом фестивале. Переводил меня сам Евгений Соколов (он подтвердит) – по окон-

чании читки ко мне подошла группа итальянских товарищей и устами некоего лидера с футуристическим шарфом вокруг шеи сказала (Е.С. перевел): «Ваши стихи легли нам на душу, как сыр на спагетти». Сказано было серьезно и безо всякого юмора.

Давид Самойлов, у которого я в ранней юности занималась в поэтической студии, поначалу меня хвалил. Но потом, будучи в подпитии, сказал твердо: «Ты – девочка хорошая. Тебе стоит быть только как Ахматова или как Цветаева, остальные варианты для тебя не имеют смысла. Бросай стихи!». Я стихи, конечно, не бросила (еще чего!), но теперь думаю: «А почему для себя он допускал «иной вариант», чем Пушкин или даже Пастернак?» Эх, не было на него тогда западных феминисток – они бы ему показали, где раки зимуют!.. Но все равно: и поэт, и педагог он был классный – до сих пор вспоминаю эти капризные студии с благодарностью.

В Швейцарии, в Цюрихе, я была в шикарном кафе, где Ульянов-Ленин году в 16-м читал утренние газеты за мраморным столиком. Там даже висит маленькая мемориальная доска. Теперь это кафе гомосексуалистов. Парадоксы истории.

Семилетнюю дочку моей подруги учат немецкому языку. «Надо соблюдать правильный порядок слов». Она в ответ: «А я хочу соблюдать беспорядок слов!» Соблюдать беспорядок слов – не есть ли это задача лирической поэзии?

Я попала на последнее выступление Бродского (конечно, не предполагая, что оно последнее). Публика была сплошной Брайтон-Бич, и поэт казался ужасно несчастным. На очередную идиотскую записку: «Вы каких женщин больше любите – умных или красивых?» – он ответил умирающим голосом: «Я все-таки не Карл Маркс».

Нашла в бумажных завалах тетрадь (обложка – карта Америки), в кото-

рой я вела дневничок той поездки. Вот еще – из моей сумбурной стенограммы: читательская встреча с Бродским. 2 апреля 1995 года, 3 часа дня, Концертный зал за Центральным парком. «А теперь любимый вид спорта, – сказал поэт: – вопросы-ответы».

– Что, по-вашему, сейчас самое важное для России?

– Я не знаю. (В публике почему-то смех).

На записку с вопросом о преподавании Бродский сказал: «Я преподаю уже 23 года. Единственная возможность говорить с людьми о том, что мне интересно... В преподавании меня удручает чтение студенческих работ, но иногда вы вознаграждены. Их сознание совсем не нагружено аллюзиями и авторитетами. Пишут без поклонов и кивков влево или вправо».

– К жанру песни (это на вопрос о творчестве Александра Мирзаяна, о котором Бродский впервые слышал) отношусь сдержанно, чтобы не сказать – с огромным предубеждением.

– Нет ли у вас желания последовать примеру Цветаевой и Солженицына?

– Цветаевой – точно нет! Но и Александру Исаичу – тоже. Моя жизнь это моя жизнь, а не жизнь литературных традиций. Э-э-э-э-э...

– Как можно, закончив всего лишь восьмилетку, так сильно мыслить и писать? Что вам помогло больше – книги или личности?

– Конечно, книги! (Зал опять заржал, а поэт вздохнул: «Это все не так уж смешно»).

– Желание автографа – глупое желание, и я отказываюсь его поощрять.

– Писать по-русски для меня естественней, писать по-английски – элемент кроссворда...

Русская изящная словесность гораздо моложе английской, у нас иная просодия.

– Преобладание в американской поэзии верлибра – явление временное. Этот процесс как маятник, от большей к меньшей метрической свободе.